

кимъ легкимъ дѣломъ здѣсь представляется покаяніе! Но оно представляется такимъ только Толстому. Въ дѣйствительности оно вовсе не таково и не такъ легко совершается христіаниномъ. Въ дѣйствительности покаяніе есть одинъ изъ самыхъ труднѣйшихъ подвиговъ христіанскихъ! Оно есть дѣло само-сужденія и самобичеванія! Въ немъ христіанинъ достигаетъ побѣды не только надъ міромъ, но и надъ самимъ собою. Оно, какъ второе крещеніе, есть нравственное возрожденіе, и потому, какъ и крещеніе, предполагаетъ не только собственное усиліе со стороны человѣка, но и непремѣнное дѣйствіе благодати Божіей. Послѣдняго, конечно, ни Толстой, ни толстовцы не захотятъ понять, потому что, не вѣруя въ Бога, они не могутъ вѣровать и въ получаемую отъ Бога благодать. Но они должны понять, по крайней мѣрѣ, естественное, психологическое значеніе таинства покаянія, которое даже съ этой стороны много содѣйствуетъ нравственному возрожденію человѣка. Гордость, источникъ всякаго зла и всѣхъ несчастій для человѣка, заставляетъ насъ обыкновенно скрывать свои недостатки, пороки, преступленія и грѣхи не только отъ другихъ людей, но даже и отъ себя; она побуждаетъ насъ не только предъ другими, но и предъ собою казаться лучшими, чѣмъ каковы мы на самомъ дѣлѣ. Человѣкъ обижается, когда другіе назовутъ его воромъ, хотя бы онъ и на самомъ дѣлѣ былъ воръ; человѣкъ обижается, когда другіе называютъ его развратнымъ, безчестнымъ, обидчикомъ, лгуномъ и т. п., хотя бы онъ и дѣйствительно былъ таковымъ. Чего же требуетъ отъ него священникъ въ таинствѣ покаянія?—Вотъ первыя слова его къ кающемуся христіанину: „Се, чадо, Христосъ невидимо стоитъ, пріемля исповѣданіе твое, не усрамяся, ниже убойся, и да не скрыеши что отъ мене: но не обинуяся рцы вся, елика содѣлалъ еси, да пріимеши оставленіе отъ Господа нашего Іисуса Христа. Се и икона Его предъ нами: азъ же точно свидѣтель есмь, да свидѣтельствую предъ Нимъ вся, елика речеши мнѣ. Аще ли что скрыеши отъ мене, сугубъ грѣхъ имаша. Внемли убо: понеже бо пришелъ еси во врачевницу, да не исцѣленъ отъидеши“. И истинно кающійся грѣшникъ начинаетъ раскрывать *предъ чужимъ человекомъ* всю свою душу, всѣ свои грѣхи,